Владивостокские рынки конца XIX – начала XX в.: попытка социокультурного анализа

Елена НЕСТЕРОВА

В 1860 г. на берегу бухты Золотой Рог был основан русский военный пост Владивосток. Практически сразу рядом с ним возникает рынок, который в документах начала 1870-х гг. неофициально именуется «манзовским» (китайским)[1]. Таким образом, розничная торговля во Владивостоке начинается с лавки русского купца Семенова и этнически маркированного рынка. К. Гирц выделял два типа базаров: «1) постоянный базар, состоящий из торговых кварталов старого города; 2) периодический, который встречается в разных местах – здесь ковры, там зерно – за пределами стен, по четвергам, как часть очень сложного регионального цикла, включающего различные другие рынки и другие дни недели»[2]. В нашем случае мы имеем дело с рынком первого типа. Важно то, что пост, из которого вырастает город, и рынок возникают и развиваются практически параллельно. Это обеспечивает расположение рынка в самом центре города, в непосредственной близости как от транспортного узла (пристани, а потом железной дороги), так и от платежеспособного населения.

Изучение истории развития торговли на Дальнем Востоке имеет давнюю традицию[3]. В последнее время исследовательский интерес к проблеме активизируется, однако рынок (базар) как экономическое, социальное, культурное явление еще не стал объектом самостоятельного изучения. При изучении торговли преобладают макроисторические описания[4], хотя переход к микро-

---

[1] В ближайшем городе – Никольске-Уссурийском – первый по времени образования рынок тоже носил наименование «манзовского» [Владивосток (газета). 1902. № 36. С. 3].

[2] Гирц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Экон. социология. 2009. Т. 10. № 2. С. 55.

[3] Даттан А. В. Исторический очерк развития Приамурской торговли. М. : Тип. Т. И. Гаген, 1897; Крюков Н. А. Промышленность и торговля Приамурского края. Нижний Новгород, 1896; Митинский А. Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1911.

[4] Кит Т. В. Ярмарочно-выставочное движение как фактор социально-экономического развития Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2010. 29 с.; Позняк Т. З. Торговая инфраструктура городов юга Дальнего Востока во второй половине XIX века // Ойкумена. 2010. № 2. С. 36–48; Романова Г. Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2009. № 3. С. 142–151; Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX в.). Омск : Ом. гос. ун-т, 1999; Устюгова О. А. Торговля на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002. 228 с.

историческим исследованиям[1] помог бы усложнить и сделать более многомерными представления о функционировании городской среды, характере и способах формирования экономических и социальных связей.

В настоящей статье автор фокусирует свое внимание на нескольких аспектах существования рынка (базара) в позднеимперском дальневосточном городе: истории формирования рыночных пространств города; рассмотрении специфики взаимоотношений «рынок-город»; описании рынка как пространства межкультурной коммуникации и формирования «новой повседневности». В качестве кейса был выбран Владивосток – крупный административный и торговый центр.

Рынок и город или рынок vs город

Формирование первого постоянно действующего базара относится к началу 70-х гг. XIX в.: стихийная торговля упорядочивается, торговое пространство локализуется «на небольшой площадке, прижатой к самому берегу»[2], участок застраивается фанзами и лавками. Преобладание фанз в архитектуре явно свидетельствовало о китайском характере первого базара города, о преобладании китайцев среди торговцев. Через несколько лет ситуация на рынке начинает серьезно тревожить городские власти, так как застройка осуществлялась хаотично, без всякого разрешения администрации. Соответственно, нарушались санитарно-гигиенические нормы плюс город не получал причитающийся доход. Ситуация усложнилась с прибытием в 1875 г. корейцев. Они без дозволения «городской управы заняли места на базарной площади, и без того уже порядочно загроможденной постройками манзовских фанз, устраивая себе для жилья землянки, через что густота таким образом заселившихся на базарной площади корейцев и манз заражает воздух и производит в местности зловоние»[3].

В сентябре 1875 г. общественный староста Владивостока, ставший 30 ноября того же года городским головой, М. К. Федоров обратился к военному губернатору Г. Ф. Эрдману с просьбой

---

[1] Дятлова Е. В. Деловая культура китайских торговцев в дореволюционной России глазами русских современников // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2008. № 1 (2). С. 55–72.

[2] Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток. СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1897. С. 22.

[3] Матвеев Н. П. Краткий исторический очерк Владивостока. Владивосток : Рубеж, 2012. С. 148–149.

разрешить снести с территории площади китайские фанзы, построенные без соблюдения «правил архитектуры и без дозволения на постройку». Он сообщал, что китайцам было отведено место на Семеновском покосе. Однако торговцы абсолютно не реагировали на приказания полиции перенести туда свои фанзы. «Каждый раз манзы под разными предлогами удерживают это место за собой, принося ущерб в денежном и санитарном отношениях, так как они торгуют и живут в одних и тех же помещениях, сгруппированных в одну сплошную массу. Там можно найти предметы роскоши рядом с испорченной рыбой и проч., что, конечно, при жарком климате, также может дурно повлиять на местное население». С точки зрения М. К. Федорова благоустройство площади могло принести городу и финансовую выгоду. Оценивая затраты в 3,5 тысячи руб., он предполагал, что город может получить от сдачи с торгов новых лавок не менее двух тысяч в год[1].

7 марта 1876 г. городская дума утвердила акт специальной комиссии, определявший правила разбивки базарной площади. В частности, дума посчитала возможным к 1 ноября 1876 г. снести все существовавшие фанзы. Предполагалось, что участки будут сдаваться в аренду на торгах с участием всех желающих. Весной 1876 г. во владивостокскую городскую управу стали поступать заявления от желающих построить лавки на базарной площади. Из десяти имеющихся в распоряжении автора заявлений, шесть принадлежали китайцам (Ли-чан-чуну, Асс-не, Сы-чай-сыну, Лиу-Си-Ге, Чи-Ням-ха, Чин-ул-Вану), два – французам (Менару и Фаберу) по одному – американцу (Смиту) и корейцу (Ен-гу-ги).

Условия сдачи в аренду предусматривали: внесение ежегодной платы, возведение построек с соблюдением строительного устава. В течение трех лет постройки находились в собственности арендатора, без права на землю, а затем переходили во владение города. Расчет городского головы был верным, в 1879 г. на рынке работало уже 155 лавок. К сожалению, у нас нет данных, сколько из них принадлежало китайцам, но в 1883 г. таковых лавок было 103. В 1884 г. город получил 25 497 руб. 50 коп. (73,4 % от общей суммы сборов с китайцев) в качестве арендной платы «за базарные лавки, ими же построенные без затрат со стороны города»[2].

Несмотря на название и общий антураж, базар не был абсолютно моноэтничным. Здесь торговали не только китайцы, но и корейцы, и русские. Однако процент последних был невелик. Га-

---

[1] Матвеев Н. П. Указ. соч. С. 149–151

[2] Петров А. И. История китайцев в России.1856–1917 гг. СПб., 2003. С. 120.

зета «Владивосток» в 1892 г. сообщала: «Базар у пристани Золотого Рога следовало бы назвать манзовским, так как теперь почти нет русских торговцев, кроме мелких хлебников. Говорят, что произошло это оттого, что манзы увеличили на торгах цену за аренду, и потому перебили, и лавки остались за ними. Русские же торговцы разбрелись искать места в уезде. Манзы здесь торгуют предметами потребления первой необходимости: хлеб, мясо, птица, овощи, рыба, овощи, крупа и т. п., и ввиду этого сосредоточение в руках китайцев предметов такой торговли едва ли является желательным»[1].

Не останавливаясь подробно на деталях, хорошо освещенных в научной литературе[2], отметим специфику китайской рыночной торговли – она базировалась на широком развитии кооперации (все служащие участвовали в прибыли предприятия), компанейских началах, кредитовании крупными фирмами мелких, стремлении максимально быстро обернуть капитал, низких накладных расходах. «Китайцы всегда артель три – пять человек с капиталом 20 руб. Один несет капусту, другой несет вашу покупку и т. д. и все с целью собрать 50 коп. и прокормиться»[3].

Эта ситуация сохранилась и в начале XX в. В 1902 г. Н. Матвеев писал, что базарная торговля, торговля вразнос как во Владивостоке, так и в Никольске в руках китайцев. Однако он же отмечал, что «за последнее время, чем дальше, тем больше является русских»[4].

Несмотря на формальное урегулирование отношений между «рынком» и «городом», развиваются они в противоречащих логиках. Как рынок, так и город претендуют на одну и ту же территорию и нацелены на расширение.

Сильный пожар в апреле 1889 г. уничтожил 84 китайские лавки, служившие одновременно местом жительства китайцев и корейцев. Ущерб был оценен в 94 086 руб., что составило 79,1 % от общей суммы ущерба, нанесенного пожарами в 1889 г. во всей

---

[1] Цит по: Анча Д. А., Мизь Н. Г. Китайская диаспора во Владивостоке: страницы истории. Владивосток : Дальнаука, 2015. С. 58.

[2] Дятлова Е. В. Указ. соч.; Митинский А. Н. Указ. соч.; Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989; Сорокина Т. Н. Указ. соч.; Шрейдер Д. И. Указ. соч.

[3] Владивосток (газета). 1902. № 43. С. 6; Шрейдер Д. И. Указ. соч. С. 120.

[4] Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1903 год. Томск : Издание Ф. П. Романова, 1903. С. 137, 164; Справочная книга г. Владивостока с дополнительными сведениями о Дальнем Востоке. Хабаровск : Тип. Канцелярии Приамур. генерал-губернатора, 1902. С. 260.

Приморской области[1]. Но пожар помог городской администрации упорядочить и сократить площадь рынка. Постановлением городской Думы от 18 апреля 1889 г. было решено «поставить все лавки на площади в одну общую группу, состоящую из 4 корпусов, вмещающих 30 лавок, и расположить их согласно плана в районе неоконченного городского сквера». Это отражало общий подход властей к благоустройству, к формированию центра города: часть площади была отсыпана, начато строительство Городского Сада, а манзовский базар все сильнее вытеснялся к воде[2].

Постановление было реализовано, и в 1890-х гг. базар состоял «из 4 корпусов в 2 ряда, в которых 48 номеров лавок, и 3 рядов ларей, числом более 100». В лавках продавались разные товары, в ларях – овощи и другие продукты. «Лавки и лари устроены городом и сдаются им ежегодно в аренду за 30 тыс. руб. с лишком в год»[3].

Д. И. Шрейдер описал устройство рынка: «На небольшом пространстве расположены параллельными рядами микроскопические деревянные «пассажи», разделенные деревянными же перегородками на еще более микроскопические квадратные помещения, в которых вы можете найти все, начиная от кожи и мяса до дешевых галантерейных вещей включительно. Ряды «пассажей» со стороны бухты замыкаются несколькими параллельными-же рядами открытых ларей и лотков, где производится китайцами-же исключительно зеленая, фруктовая и овощная торговля продуктами, привозимыми, разумеется, из Китая или Японии». В китайских лавках специализация была весьма условной – «в каждой из них, невзирая на крайне скромные размеры, вы можете найти все что угодно»[4].

С. Н. Южаков, посетивший Владивосток в апреле 1891 г., отметил некоторую скудость ассортимента: «немного мяса и рыбы, мучной и крупяной товары, а затем много великой рухляди и старья, характеризующих наши «толкучки» – вижу я на этом базаре». Характер базара и в будни, и в другое время года не изменяется. Немного зелени, именно лук, чеснок, огурцы и капуста, прибавится летом. Рыба кета (лосось) завалит базар ранней осенью, а фазаны поздней. Вот и все сезонные перемены, да порою совер-

---

[1] Петров А. И. Указ. соч. С. 122.

[2] Петрук А. В. Китайский квартал как экономическое явление и часть культурной среды г. Владивостока // Изв. Вост. ин-та. 2011. № 2. С. 113–124.

[3] Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1898 год. Томск : Издание Ф. П. Романова, 1898. С. 468.

[4] Шрейдер Д. И. Указ. соч. С. 22–23.

шенно исчезнет мясо»[1]. С. Н. Южаков отметил отсутствие неотъемлемого атрибута любого базара в европейской части России – «знаменитого сословия русских торговок», а также – молочной продукции. Второе объясняется просто – китайцы не употребляли в пищу молоко, а следовательно, и не торговали им. Ближайшее русское селение располагалось в 65 верстах от Владивостока, и ежедневный подвоз продукции был невозможен.

Примерно в таком состоянии рынок просуществовал до начала XX в. – те же 4 корпуса (24 лавки), «один ряд на задней границы городского сада, отельный дом и около 200 ларей». Ближе к берегу располагались «мясные ряды, а между корпусами базара ряд, где продаются овощи, дичь, рыба, фрукты и т. п. Между корпусами лавок и линией отчуждения железной дороги находятся «барахольные» ряды и жестянщики[2].

Внутренняя жизнь рынка регулировалась «Обязательным постановлением для жителей Владивостока», утвержденным военным губернатором Приморской области 13 марта 1900 г. Торговля производилась ежедневно от восхода до заката солнца. Во все воскресные, праздничные и табельные дни разрешалось торговать только съестным. За любую (временную или постоянную) торговлю на рынке в пользу города взималась плата. Лавки сдавались ежегодно с торгов и шли от 600 до 1 200 руб. в год. За содержание ларей первоначально уплачивали по 6 руб. в месяц, но к началу XX в. их тоже стали выставлять на торги. Торговцы старьем платили по 3 рубля с квадратной сажени[3]. Торговлю на отведенных местах можно было осуществлять лично или через представителей. Постоянным торговцам не разрешалось перекупать товар с возов или лодок до 12 часов дня. Не разрешалось оставаться на ночь в лавках: «с закатом солнца торговля на базарах прекращается повсеместно, лавки и лари должны быть закрыты» и никому, кроме базарных сторожей, не разрешалось оставаться на ночь в базарных помещениях. За порядком на рынке, расстановкой временных торговцев наблюдало специальное должностное лицо – базарный староста[4].

В реальности не всегда было все так гладко, как в инструкции. В 1902 г. газета «Владивосток» писала: «Базарный владиво-

---

[1] Южаков С. Н. Доброволец «Петербург»: Дважды вокруг Азии. Путевые впечатления. СПб. : Типо-Литография Б. М. Вольфа, 1894. С. 25.
[2] Справочная книга г. Владивостока ... С. 260.
[3] Там же. С. 182, 260.
[4] Справочная книга г. Владивостока ... С. 182–184.

стокский староста, имеющий несколько собственных домов в г. Владивосток, вероятно, или тяготится исполнением своих должностных обязанностей по отношению к городу, или же просто совестится» низкой ролью[1]. «Староста соответственного значка не носит, и, как будто, прячется от обывателей, хотя часто на базаре, ввиду разъяснения каких-либо недоразумений, присутствие старосты необходимо, но разыскать его невозможно». Спустя некоторое время газета делилась слухами о том, что, возможно, эту должность могут занять М. И. Суворов (крупный подрядчик) и А. А. Масленников (финансист). Сомневаясь в такой возможности, редакция все же отмечала: «Оба они серьезные финансисты, а может быть, базар в умелых руках действительно в состоянии что-нибудь дать городу»[2].

Таким образом, к началу XX в. четко обозначился круг проблем. Городскую власть не устраивали местоположение базара, эффективность управления им как объектом городской инфраструктуры, санитарное состояние.

Семеновский и Мальцевский базары: новые рынки, старые проблемы

Долгое время манзовский рынок был единственным во Владивостоке. Решение о полном прекращении там торговли городская Дума приняла 4 ноября 1905 г., назвав в качестве альтернативы Семеновский и Мальцевский рынки[3]. Оба появились в начале XX в. Их названия уже связаны не с этнической компонентой, а с городской топонимикой (Семеновский покос, Мальцевский овраг). Возникновение новых рынков было насущной потребностью, так как новые жилые кварталы – слободки – зачастую находились довольно далеко от центра и располагались автономно.

В 1897 г. городской голова М. К. Федоров при обсуждении устройства Мальцевского базара докладывал городской думе: «…если не устроится второе отделение базара, то жителям слободок по-прежнему придется ходить ежедневно за семь верст, или оба пути 14 верст, за покупками предметов первой необходимо-

---

[1] В 1902 г. владивостокским базарным старостой был Михаил Венедиктович Чарушников, владевший домами на улице Семеновской и в Маркеловском переулке // Владивосток. 1902. № 23. С. 6.

[2] Владивосток. 1902. № 23. С. 6; № 26. С. 3–4.

[3] Систематический сборник постановлений Владивостокской городской Думы 1901–1912 гг. Владивосток : Электро-тип. «Владивосток. Печатное дело», 1913. С. 342.

сти»[1]. Решение о строительстве Мальцевского базара дума утвердила в 1899 г., внеся в смету 1900 г. 10 тысяч на его устройство. Впоследствии эта сумма была увеличена до 24 тысяч[2]. Мальцевский базар должны были ввести в эксплуатацию летом 1902 г. Лавки предполагалось построить из железа, причем часть – с каменными подвалами[3].

Подряд на изготовление фундаментов и каменные работы получил известный в городе В. О. Жариков, а доставка с завода металлических конструкций и их установка были поручены фирме Артура Коппеля. Железные конструкции были заказаны за пределами края и доставлены на пароходе. Рынок начал функционировать в 1902 г.[4] Местоположение было определено на месте Буркотовского оврага с границами: Мальцевская улица (на западе), экипажный забор (на востоке), третья Буркотовская дамба (на севере) и Шефнерская улица (на юге). Несмотря на близость Экипажной слободки, рынок развивался не так быстро, как хотелось бы отцам города. В июне 1906 г. городская Дума «ввиду слабого развития базара» предлагает оставить лавки за торговцами за плату 10–15 руб. в месяц в зависимости от места и качества лавки. На Семеновском базаре город получал от 50 до 75 руб. за такую же лавку.

На Семеновский рынок, открытый осенью 1903 г., было окончательно решено перенести манзовский базар подальше от фешенебельной Светланской улицы после пожара 1901 г. На Семеновском покосе (между Корейской, Пекинской, Светланской улицами и Амурским заливом) уже функционировали сенной и дровяной рынки, где торговали в основном китайцы.

Затраты на обустройство рынка город брал на себя. Всего на эти цели город (согласно смете) предполагал потратить 78 612 руб. 31 коп. 53 тыс. руб. дума готова выплатить подрядчику сразу после сдачи рынка, так как 30 тыс. руб., предназначенных на строительство одного корпуса, были внесены в смету на 1902 г.[5], а 23 тысячи остались неистраченными в 1901 г. Недостающий остаток внесли в затраты 1903 г.[6]. Рынок планировали открыть одновременно с Мальцевским, летом 1902 г., но холера, дождливое лето, недочеты проекта, недобросовестность подрядчика внесли корректировку.

---

[1] Цит по: Анча Д. А., Мизь Н. Г. Указ. соч. С. 62–63
[2] Справочная книга г. Владивостока … С. 261.
[3] Владивосток (газета). 1902. № 6. С. 2.
[4] Справочная книга г. Владивостока … С. 260.
[5] Справочная книга г. Владивостока … С. 260.
[6] Владивосток (газета). 1902. № 9. С. 5.

Центральным сооружением нового рынка был пассаж из стекла и железа, напоминавший современникам торговые пассажи нижегородской ярмарки. А. А. Акашева отмечает принципиальную новизну пассажей по сравнению с лавками и даже магазинами, заключавшуюся в их многофункциональности. Это был торгово-развлекательный и культурный центр своего времени. Наряду с лавками и дорогими магазинами там могли располагаться дамские мастерские, парикмахерские, фотоателье и даже рестораны[1]. Рядом с пассажем находились лавки и открытые прилавки. Значительную часть лавок город устраивал за свой счет. Так в ноябре 1905 г. городской Думой было принято решение о строительстве дополнительных 70 кв. саженей лавок. Строительство 210 кв. саженей предполагалось предложить построить самим торговцам по одобренному городом плану[2].

С точки зрения И. С. Бельдинова, после революции эмигрировавшего в США и публиковавшего там свои воспоминания, «перемещенный на большую Семеновскую площадь, вблизи Амурского залива, базар сразу потерял свою чарующую экзотику. Все спряталось в больших магазинах с зеркальными стеклами, по специальностям. Даже ручная торговля, лотки – под особой крышей. В силу ли большого простора площади, или по каким иным причинам, на новом Семен-базаре появилась масса гадальщиков, предсказателей судьбы, гадальщицы – морские свинки и белые мышки; гадание на картах и карточная игра, а по праздничным дням рукопашные драки. Между матросами и пехотинцами была вражда. Ходят они на Семен-базар только группами: не приведи, господи, оторваться от колонны, одинокому попадет за милую душу»[3].

Семеновский рынок изначально формировался как место интернациональной торговли: прошения об устройстве лавок подавали китайцы, японцы, корейцы, европейцы и подданные Российской империи. Однако со временем сказывается влияние близлежащих кварталов и рынок обретает восточный колорит. Дело в том, что с востока к базару примыкали кварталы, плотно населенные выходцами из Восточной Азии (в том числе и знаменитая Миллионка).

---

[1] Акашева А. А. Нижний Новгород в 1860–1890-е гг. Методика реконструкции социокультурного пространства города : дис. … канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006. С. 90.

[2] Систематический сборник постановлений ... С. 342.

[3] Цит. по: Турмов Г. П., Хисамутдинов А. Владивосток. Исторический путеводитель. М. : Вече, 2010. С. 130.

Вот наиболее типичное описание Миллионки: «Весь квартал соединялся массой общих проходов, можно было в одном конце квартала войти в дом, пройти все дома и в другом конце квартала выйти на улицу. Здесь действовало несколько опиекурилен, домов терпимости, комнат для азартных китайских игр, парикмахерских, масса харчевен. Большинство помещений на ночь превращались в ночлежки. Внутренний двор квартала был превращен в шумный китайский базар с большим количеством лавок, харчевен, переносных кухонь и т. п. Облако дыма и смрада постоянно висело куполом над двором»[1].

Здесь на улицах и во «дворах-базарчиках, нашпигованных мелкими лавчонками, наспех сколоченными из досок, кипела торговля вразнос мелкими товарами, съестными припасами, безделушками, золотом и старьем»[2]. Здесь покупали, продавали, жарили, шили, ремонтировали, продолжая жить в логике Семеновского базара, а, возможно, Семеновский базар подстраивался под уже устоявшуюся логику функционирования этого места.

«Дымились переносные кухни, распространяя ужасный запах бобового масла. Масса китайцев постоянно сновала в проходах, по лестницам домов, кричала, торговала, обедала, а рядом, в грязных и душных театрах, в густом дыму над небольшими четырехугольными столиками, расставленными в партере, без умолку звучала китайская музыка, шокировавшая слух европейцев, казавшаяся сплошным, беспорядочным и одуряющим гулом. В «бесконечно скором» движении и смене пьес, исполнявшихся в «крайне реалистической» манере, классический репертуар становился событием дня сегодняшнего и сопровождался громкими криками возбужденной публики. Но и тут не прекращался торг: в проходах между столами»[3].

Китайские купцы быстро устанавливают связи с поставщиками (большинство из которых – их соотечественники), скупают весь товар и распределяют для продажи внутри своего сообщества. Практика сформировавшаяся давно и действующая надежно. Еще в 1884 г. корреспондент газеты «Владивосток» отмечал: «…цены в одной лавке не сильно, а иногда и вовсе не разнствуют от цен в другой лавке». Автор, именуя манз «местными жидами»,

---

[1] Соловьев Ф. В. Указ. соч. С. 73–74.

[2] Соколов В. Н. Урочище Спортивной Гавани: мифология места [Электронный ресурс] // Фестиваль творческих подарков городу Владивостоку. URL: http://www.gorod-mechta.ru.

[3] Соколов В. Н. Указ. соч.

делает вывод: «…все манзы лавочники в стачке…»[1]. Можно предположить, что, несмотря на стремление получить личную выгоду, продавцы регулировали нижний порог цен.

Мало что изменилось в XX в. В историческом архиве Дальнего Востока сохранилось донесение агента-китайца военному Губернатору Приморской области (под грифом «секретно»). Агент сообщает: «С открытием навигации торговцы-китайцы между собой сделали тайное условие, согласно которому отправляются на пароходы, шлюпки и шаланды, где и скупают различные съестные припасы, делятся между собой и устанавливают одну цену для продажи таковых русским покупателям; каждый из них нажил уже по нескольку тысяч рублей»[2].

Скученность лавок, антисанитария, контрабанда, сговор между торговцами делают рынок объектом пристального внимания полиции. Помощник полицмейстера Владивостока в своих рапортах так описывает «красоты» Семеновского рынка: «как улицы, пересекающие базар, так и прилегающая к нему Корейская полны глинистой грязи; на улицах ощущался зловонный запах, и стояли лужи воды; в проходе между лавками грязно…»[3].

Перейдем теперь к анализу структуры, специализации, этническому составу торговцев и ремесленников рынков. В «Торгово-промышленном справочнике г. Владивостока и его пригородов» (1912 г.) содержатся сведения практически обо всех официально зарегистрированных предпринимателях города, так как это результат торгово-промышленной переписи, проведенной Биржевым комитетом. Авторы сборника отмечают, что «производившие перепись даже со стороны мелких торговцев-китайцев встречали самое предупредительное отношение»[4].

Нами произведена выборка всех торговцев и ремесленников, имевших лавки на рынках города. Автор учитывает специфику дореволюционной статистики и рассматривает свое исследование как первый шаг в этом направлении. В нашей базе оказалось более 500 объектов. Все они концентрировались на Семеновском и Мальцевском рынках. Несмотря на принятие в апреле 1908 г. городской думой постановления о необходимости открытия небольших базарчиков в Куперовской Пади, Рабочей слободке и

---

[1] По поводу рыночной торговли // Владивосток. 1884. № 11. С. 3.
[2] Петрук А. В. Указ. соч. С. 119.
[3] Там же.
[4] Торгово-промышленный справочник г. Владивостока и его пригородов. Владивосток : Тип. Р. Э. Шрейтман, 1912. С. 5.

Первой Речке[1], ни один торговец или ремесленник там не зарегистрирован. Старый «манзовский» базар практически прекратил свое функционирование. Там зарегистрирована только контора транспортной компании Миронова и Кривенко. На Семеновском рынке располагалось 95 % рыночных лавок города. Более 60 % всех официально торгующих на рынке составляют выходцы из Восточной Азии (табл. 1).

Таблица 1

Рыночные торговцы и ремесленники Владивостока – выходцы из Восточной Азии (1912 г).

Национальность	*Процент к общему числу торгующих и имеющих лавки, %*
Китайцы	55
Корейцы	1
Японцы	5

Источник: Торгово-промышленный справочник г. Владивостока и его пригородов. Владивосток : Тип. Р. Э. Шрейтман, 1912. 288 с. + 8 с. (пагинация раздельная).

Остальные 39 % приходятся на предпринимателей, чьи фамилии не позволяют точно определить их этническую принадлежность и подданство. В группу, условно названную «европейцы», войдут как российские подданные, так и иностранцы. В структуре Семеновского рынка можно выделить две составляющие: пассаж и собственно лавки. Анализ данных позволяет сделать вывод о значительных различиях между пассажем и остальной частью базара. Если среди «рыночников» практически точно воспроизводится тенденция, характерная для всего города (китайцы 56 %, японцы 5 %, корейцы 1 %, «европейцы» 38 %), то в пассаже ситуация в корне иная: 52 % лавок арендовалось японцами, а 48 % лавок «европейцами».

Большинство торговавших на владивостокских рынках имели свидетельства третьего разряда (47 %) и четвертого разряда (30 %). Абсолютное большинство торговавших в Семеновском пассаже имело промысловые свидетельства второго разряда, что означает наличие годового оборота от 50 до 300 тыс. руб. Тем не менее анализ специализации лавок не позволяет сделать вывод, что пассаж за десять лет своего существования стал чем-то большим, нежели обычный торговый центр. Здесь действовали лавки готового платья, обуви, галантереи, кожевенной торговли, цветов. Однако ни фотоателье, ни парикмахерские, ни рестораны

[1] Торгово-промышленный справочник ... С. 346.

здесь открыты не были, в силу чего не представляется возможным говорить о семеновском пассаже как о торгово-развлекательном и культурном центре нового типа.

Имеющиеся в «Справочнике» сведения позволяют нам проверить наблюдения современников, касающиеся доминирования той или иной этнической группы в определенных сегментах рынка (табл. 2).

Таблица 2

Специализация лавок на Семеновском рынке (без пассажа)

Специализация лавок/ Этническая принадлежность владельца лавки	*Общее кол-во лавок*	*Китайцы*	*Корейцы*	*«Европейцы»*	*Японцы*
Фрукты, овощи	114	111 (97,3 %)	0	2 (1,8 %)	1 (0,9 %)
Готовое платье, галантерея, мануфактура	75	62 (82,7 %)	3 (4 %)	7 (9,3 %)	3 (4 %)
Торговля старыми вещами	60	0	0	60 (100 %)	0
Рыба	29	21 (72,4 %)	0	8 (27,6 %)	0
Бакалея	24	17 (70,8 %)	0	7 (29,2 %)	0
Мелочная торговля	24	21 (87,5 %)	0	3 (12,5 %)	0
Мясо	22	6 (27,3 %)	1 (4,5 %)	15 (68,2 %)	0
Железно-скобяная торговля	21	0	0	21 (100 %)	0
Столовые	14	0	0	14 (100 %)	0
Квас	9	0	0	9 (100 %)	0
Мука, овес	8	8 (100 %)	0	0	0
Кожевенная торговля	7	0	0	7 (100 %)	0
Парикмахерские	7	0	0	2 (28,6 %)	5 (71,4 %)
Обувь	6	0	0	6 (100 %)	0
Мебель	5	0	0	3 (60 %)	2 (40 %)
Хлеб	4	2 (50 %)	0	2 (50 %)	0
Японские товары	3	0	0	0	3 (100 %)
Склады	3	0	0	2 (66,7 %)	1 (33,3 %)
Другое	30				

Источник: Торгово-промышленный справочник г. Владивостока и его пригородов. Владивосток : Тип. Р. Э. Шрейтман, 1912. 288 с. + 8 с. (пагинация раздельная).

Таким образом, абсолютное лидерство в мелочной торговле, продаже овощей, фруктов, рыбы, бакалеи, мануфактуры, галантереи, муки принадлежало китайцам. Японцы имели больше всех парикмахерских и магазинов, торгующих национальными товарами. Вес корейских торговцев на Семеновском рынке был незначительным. Торговцы, объединенные нами в условную группу «европейцы», держали в своих руках железно-скобяную и кожевенную торговлю, торговлю старыми вещами, обувью, квасом.

Рынок и трансформация повседневных практик горожан

«Базар, – отмечает К. Гирц, – это больше, чем еще одна демонстрация истины о том, что в любом климате люди предпочитают покупать дешево и продавать дорого. Это особая система социальных отношений, сосредоточенная на производстве и потреблении товаров и услуг, т. е. частный случай экономики, – и она, несомненно, заслуживает анализа»[1]. Пока рассмотрение владивостокских рынков как пространств межкультурного общения, мест формирования социального капитала (П. Бурдье) и форм клиентелизации (К. Гирц) отсутствует. В силу ограниченности источниковой базы автор не претендует на полное освещение вопроса, но отметит несколько его аспектов.

Базары играли исключительную роль в жизни Владивостока, большинство торговцев здесь были китайцы, и именно у них покупали товары горожане. Покупка у китайцев предполагала торг, так как фиксированной цены на товары в базарных лавках не было, и «кто не торгуется, тот рискует на плохой вещи переплатить против хорошей в других магазинах»[2]. Для успешной коммуникации хотя бы одна из сторон должна овладеть языком другой. Именно рынок провоцирует и создает ситуацию, в рамках которой китайские торговцы овладевают пусть и в минимальной степени русским. Это приводит к формированию пиджина, в рамках которого на грамматический строй китайского языка накладывается модифицированная русская лексика[3]: «Мадама, капитана, твоя не надо базар ходи... Морковку, луковку, помудоля, караба, камбала, огуреза – все, все принося... Деньги не надо, мало-мало обмани не надо»[4]. Подобный язык использовался и для русско-корейского общения. «Картошка бери – эню давай нету. Его шибко худу человека и его копейка деньга нет (…) худо есть» – так в феврале 1902 г. причитал на всю улицу кореец, сидя у дома в Маркеловском переулке, когда ему отказали в оплате долга за картошку, которую он приносил в течение нескольких месяцев[5]. Д. И. Шрейдер, первый описавший русско-китайский пиджин,

---

[1] Гирц К. Указ. соч. С. 56.
[2] Даттан А. В. Указ. соч. С. 115.
[3] Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск : АмГУ, 2007. 264 с.; Перехвальская Е. В. Исследования по русским пиджинам : сб. ст. М. ; Берлин : Директ Медиа, 2014. 502 с.
[4] Турмов Г. П. Хисамутдинов А. Указ. соч. С. 130.
[5] Владивосток (газета). 1902. № 6. С. 5

отмечал: «…язык этот приспособлен специально для целей торгово-промышленных и вне сферы торговли и промышленности уже ни на что не годится»[1].

Возвращение с базара и перенос покупок даже не очень состоятельной хозяйки («бабушки», «мадамы» по версии китайцев) сильно облегчало наличие такой фигуры, как каули (носильщик). Обычно это были как китайцы, так и корейцы[2]. Для дореволюционного Владивостока типичной была картинка, когда хозяйка, выбрав продукты, идет налегке, а за ней плетется каули, тащащий на специальных носилках – рогульках – ее покупки[3].

Во время существования манзовского базара покупки можно было просто заказать с доставкой на дом. «Хозяйкам во Владивостоке незачем было ходить на базар. Весь город обслуживал Ван Фузин, или, по-русски, просто Вася. Он являлся тотчас же, едва вы успели перебраться на квартиру. …Ван Фузина-Васю все знали: в руках его вся торговля. Если с Васей произошло разногласие – в суд он не пойдет, но и для спорщика не легче. Где он, что хочет купить, ни один носильщик ничего не принесет, и на базаре ни один китаец-торговец ничего не отпустит: Мало-мало ходи, псол мимо: твоя мало-мало машинка есть»[4].

Несмотря на то что график работы базара регламентировался российским законодательством, китайская специфика сказывалась и здесь: на китайский новый год рынок «запирался на замок»[5]. Д. И. Шрейдер: «…на базаре также нет обычного шума. Все лавки, лари, магазины закрыты. Вся торговля в руках китайцев, и поэтому неудивительно, что чествование ими своего национального праздника так заметно изменяет физиономию русского, в сущности, города»[6].

Другой спецификой владивостокского рынка было использование долгое время китайских приборов для измерения веса или длины, что давало возможность жульничества. «Каждый, кто бывал на местном рынке и покупал провизию» сталкивался «с обвесом на китайском безмене (других весов они не признают) или получал дрова на их складе какою-то совершенно произволь-

---

[1] Шрейдер Д. И. Указ. соч. С. 69.

[2] Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1903 год. Томск : Изд. Ф. П. Романова, 1903. С. 138 .

[3] Шрейдер Д. И. Указ. соч. С. 15–16. (Те, кто в 90 гг. XX в. видел работу российских челноков, сразу вспомнят их верных спутников «помогаек».)

[4] Турмов Г. П. Хисамутдинов А. Указ. соч. С. 130.

[5] Даттан А. В. Указ. соч. С. 117.

[6] Шрейдер Д. И. Указ. соч. С. 104.

ною китайской саженью (русскую меру они обходят) с самою непозволительной кладкою, или, наконец, приобретал сено не установленными пудами, а вполне произвольными «снопами», т. е. пучками, не имеющими ничего определенного, то большими, то маленькими»[1].

Другой формат межкультурного взаимодействия относится к массовому появлению ориентальных вещиц в домах горожан: «В редком доме не натолкнешься здесь на китайщину и японщину. У одного из военных судей вся гостиная была убрана китайскими и японскими произведениями, отчасти примененными к европейским потребностям: мебель модных образцов была обита китайским узорным шелком, японские рамочки заключали русские виды и лица; в одной гостиной я любовалась чрезвычайно красивым огромным японским зонтиком, привешенным к потолку; в другой висел пестрый стеклянный китайский фонарь, украшенный цветными шнурками и кистями»[2].

Расширяется пищевой рацион европейских жителей Владивостока, которые начинают вводить в свое меню непривычные продукты и блюда. С. И. Бельдинов восторженно вспоминает о «чилимах» – малюсеньких креветках. «Вкусное легкое блюдо. Под пиво, под разговор таковых чилимов можно незаметно скушать до сотни, потому и порциями их подают не меньше 50, и тащат их целыми горами». «Изделия китайских кондитерских: большие и малые, круглые и квадратные вафли и особо сладкие, круглые священные вафли из священного риса «сальбе», такие сладкие, что у грешников зубы не выдерживают и болезненно ноют». «Около балаганчиков, на разостланной парусине, чаще брезенте, кучи самых разнообразных фруктов: яблоки, апельсины, ананасы, японская фурма, маленькие сладкие мандарины в небольших ящичках, по 25 в каждом, за 20 копеек. На ветках кистями – бананы, виноград всевозможных сортов, малюсенькие в ящичках померанцы»[3]. Безусловно, яблоки и виноград вряд ли можно отнести к экзотическим фруктам, но ананасы, померанцы, хурма для жителей европейской России легко могут претендовать на этот статус.

Наша современница Н. Сумрач вспоминает об опыте своих бабушки и прабабушки, живших во Владивостоке в начале XX в.: «…на Семеновском базаре продавали живых крабов, которые с трудом помещались в ведро, поэтому за крабами на рынок ходи-

---

[1] Даттан А. В. Указ. соч. С. 115.
[2] Витковская С. В. Кругом Земли. Путевые воспоминания. СПб., 1915. С. 374.
[3] Цит. по: Турмов Г. П. Хисамутдинов А. Указ. соч. С. 128–129.

ли с ведрами. Вообще базар был набит лавками с невероятным разнообразием морепродуктов. Русские обычно покупали знакомые виды еды: красную икру, раков да речную белорыбицу, – но были и смельчаки, которые учились готовить не нашу пищу: морскую капусту, кальмаров, трепангов и прочую непоименованную живность, какую ушлые азиаты готовили вкусно и употребляли за милую душу. К «презренной» рыбе – камбале, бабка пристрастилась уже в застойные советские годы, когда рыбное изобилие во Владивостоке почти совсем иссякло, но неизменно называла ее морской курицей, как китайцы из ее детства»[1].

На базаре всегда имелась возможность приобрести гораздо дешевле тот же самый товар, что продавался в крупных магазинах, что, естественно, привлекало покупателей. Но даже не заинтересованные в покупках жители города и путешественники не могли миновать эти места. Прибывшие на пароходе от пристани до главной улицы – Светланской – шли вдоль манзовского базара. К городским купальням, пристани, Семеновскому рынку путь пролегал через китайские кварталы. Вслед за героиней романа «Последний из удэге» А. Фадеева, жившего в юности во Владивостоке, пройдем от улицы Пекинской до Семеновского базара: «Лена пересекла Пекинскую улицу, на которой была опиекурильня Вайнштейна. Лена очутилась в китайском квартале. Здесь улочки были теснее. Квартал еще только просыпался. Пахло чесноком, копченой рыбой, древесным углем. Лавочники снимали щиты с окон. У ворот висели бумажные фонарики, похожие на разноцветные цилиндрические гармоники. За стенами кустарных мастерских бренчали жестянщики, медники. Китайские нищие спали, свернувшись у крылечек: их никто не трогал, и они никого не трогали. На здании китайского театра свисали из-под узорных балконов два узких полотнища с жирными черными надписями: над входом колыхался бумажный отсыревший дракон с выпученными глазами. Лену обогнало несколько гремящих эхом подвод с ломовиками-китайцами; из-под рогож торчали круглые мослы с красным и синим мясом»[2].

Инаковость, чужеродность, с одной стороны, доступность – с другой, делают главные владивостокские рынки базовыми локусами, формирующими образ города, внося в него элемент экзотизма. С. И. Бельдинов, побывавший на старом городском базаре

---

[1] Сумрач Н. Из бабушкиного сундука // Владивосток Авиа. 2009. № 41. URL: http://airvl.ru/iz-babushkinogo-sunduka.html.
[2] Фадеев А. А. Собр. соч. : в 4 т. М. : Правда, 1979. Т. 1. С. 297.

в начале XX в., отмечал его экзотическое своеобразие. «Не базар, а музей всех видов даров морского дна и таежных недр. На земле – большие лотки из белой жести, на которых, среди водорослей, все виды морских даров. Каких только рыб здесь нет! От косоглазой камбалы до пузатых морских бычков, синеватой скумбрии с полосатыми на спине пятнами, с глазами на спине – верхоглядом, пилой-рыбой, треской... Не перечтешь! Крабы, морские пауки, большие и малые, обычные и редкие – бархатисто-голубые, нарядные, красивые, но несъедобные, ядовитые. Покупают их для аквариумов и для забавы, так как светятся они ночью фосфорически-голубым огоньком. Морские огурцы, ежи колючие, морские, пятилучевые, с множеством трубчатых присосков. Молодые спруты, или осьминоги, для китайцев съедобные, с красными страшными, темно-студенистыми, вьющимися восемью присосками. Раки, красные вареные и зеленые, что медленно по водорослям пятятся. <…> На базаре можете полюбоваться на рака-отшельника, что живет вдали берегов, в самой морской глубине, спрятавшись в постороннее тело, камень-песчаник или в обломок песчаных отложений. Его маленькая келья от постоянных прибоев и волн снизу всегда гладко отполирована, а сверху маленькая дырка. Из дырки этой при абсолютной тишине покажется осторожный глазок, а потом вылезает наполовину и сам отшельник. От малейшего движения воздуха вздрогнет и спрячется <…>

Масса всевозможных цветов: разных видов пальмы, олеандры, белые ландыши, лилии, крупные пионы, ирисы. Обилие цветов и множество заморских, ярко-цветистых птиц: от цветных попугаев до малюсеньких колибри.

<…> Много больших и маленьких черепах и обезьян, которых здесь зовут макаками. Для китайцев нет большей обиды и оскорбления, если назовут его макакой или черепахой.

Китайцы очень любили и любят своего маньчжурского соловья. На базаре, на длинных шестах, перекинутых поперек прохода, над головами качаются большие клетки с этими маньчжурскими соловьями, которые, собственно, не поют, а прищелкивают, и то только в такт той мелодии, которую им насвистывают»[1].

Отметим еще одну функцию базарного пространства – здесь можно было не только обрести блага материальные, но удовлетворить тягу к иррациональному, узнав будущее или почувствовав улыбку фортуны, встретив гадальщиков, предсказателей бу-

[1] Цит. по: Турмов Г. П. Хисамутдинов А. Указ. соч. С. 128–130.

дущего или организаторов лотереи. Иногда, правда, это приобретало комические формы: «старичок с клеткой в руках, в которой сидит птичка, вытаскивающая ответные билетики, на задуманные кем-либо вопросы, желающим погадать и узнать свое счастье». Подходит к нему барыня и, осведомившись, что значит эта птичка, покупает билетик. «Птичка послушно вытаскивает билет, старичок берет его из носика ея и читает написанное. “Тихо море за проливом, волны плещут к берегам”». Старичок интерпретирует это так: «Предмет ваш, али та особа, что в амурных с вами отношениях состоит, в отъезде-с и ежечасно вспоминает вас.

– Ах, какие глупости! Я задумала, перейдет ли Коля в 5 класс. Он ведь в гимназии учится.

– Так это другое дело, это означает, что летом гимназисты в Японию поедут»[1].

Таким образом, кроме традиционного экономического обмена, рынок предстает как пространство непосредственного контакта с Другим, встречи с экзотическим, облеченным в различные формы.

****

В ранней истории рынков Владивостока можно выделить два периода:

1. Начало 1870 гг. – 1903 г. (с момента стихийного возникновения манзовского рынка до введения в эксплуатацию Семеновского рынка). Значимой точкой в этом периоде является 1876 г., когда только что созданная городская администрация пытается взять под свой контроль не только возможные финансовые потоки, связанные с фискальным обложением рынка, но и способ оформления рыночного пространства. На месте китайских фанз появляются лавки, построенные городом. Являясь необходимой и неотъемлемой частью городского пространства, рынок, в значительной степени обеспечивающий горожан товарами и дающий стабильный доход городу, тем не менее рассматривается городской администрацией как некая проблема, так как большинство торгующих иностранцы, которые плохо соблюдают российское законодательство в целом и санитарно-гигиенические нормы в частности. Рынок отличается восточным колоритом: внешний облик торгующих; ассортимент товара, способы коммуника-

[1] Владивосток (газета). 1902. № 23. С. 7.

ции, используемая система мер и весов, график работы рынка отличаются от тех, к которым привык житель Европейской России.

2. 1903–1922 гг. Безусловно, верхняя граница требует уточнения, так как Первая мировая война, Гражданская война, интервенция радикально трансформировали и экономические, и политические условия, в которых функционировали рынки. В этот период рынок становится неотъемлемой, хотя и достаточно экзотической частью городского пространства, функционирующей (пусть и не без огрехов) на основе российского законодательства. Из городской топонимики исчезает этнически маркированное название рынка – «манзовский» (вместе с самим рынком). Несмотря на то что на новых рынках, именующихся Мальцевским и Семеновским, значительное количество торгующих – китайцы, названия новых рынков отсылают к собственно городской истории. Планировка и застройка этих рынков осуществляются с использованием европейских архитектурных норм. Во многом ситуация будет аналогична той, которая сложится спустя сто лет в другом российском городе. «Китайским (и собственно этническим) остается лишь фасад рынка, его внешнее оформление, обращенное к городу, внутренняя же организация и содержание пространства «китайки» уже далеко не всегда определяются торговцами из Китая. Образно говоря, «китайский» рынок становится символом синтетического образа Востока, включающего не только различные части «дальней» и «ближней» Азии, но и пространство самого сибирского города, ставшего площадкой для подобного синтеза»[1].

[1] Григоричев К. В., Пинигина Ю. Н. Два мира на Мира, 2: «китайский» рынок в повседневности города // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2014. Т. 10. С. 150.